

УДК 930.1

М. М. Кухтин

(к.полит.наук, доцент)

Донецкий государственный университет

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ)

E-mail: mikhail-kukhtin@yandex.ru

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ИСТОРИЯ: ВООБРАЖАЕМЫЕ МИРЫ ИЛИ ДРУГАЯ РЕАЛЬНОСТЬ?

Аннотация. Тезисы посвящены анализу концептуальных оснований альтернативной истории. Делается вывод о существовании непротиворечивых базовых онтологий, в принципе допускающих эмпирическую верификацию и вполне совместимых с вероятностным подходом к историческому процессу. Кроме того, предлагаемые в его рамках модели могут сохранять познавательное значение, даже если они не являются непосредственным отражением внешней реальности.

Данные проблемы важны для уточнения логической структуры исторического процесса, кроме того, их изучение помогает глубже осмыслить традиционную методологию гуманитарных дисциплин, полнее выявив ее эвристический потенциал и имманентные ограничения.

Ключевые слова: альтернативная история, базовая онтология, философия науки, контрфактические суждения, мультивселенная.

M. M. Kukhtin

(Candidate of Political Sciences, Associate Professor)

Donetsk State University

(Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation)

E-mail: mikhail-kukhtin@yandex.ru

ALTERNATIVE HISTORY: IMAGINARY WORLDS OR ANOTHER REALITY?

Annotation. The points are devoted to the analysis of the conceptual foundations of alternative history. It is concluded that there are consistent basic ontologies that, in principle, are empirically verifiable and completely compatible with the probabilistic approach to the historical process. In addition, the models proposed within its framework can retain cognitive significance, even if they are not a direct reflection of external reality. These problems are important for clarifying the logical structure of the historical process; in addition, their study helps to better understand the traditional methodology of the humanities, more fully revealing its heuristic potential and inherent limitations.

Key words: alternative history, basic ontology, philosophy of science, counterfactual propositions, multiverse.

Современность по-новому поставила вопрос об основаниях исторической науки. Данная проблематика отнюдь не сводится к осмыслению накопленного опыта общественного развития, поскольку исторический метод является одной из основ познания как такового. Любая наука должна уметь проследить развитие как своего предмета, так и своих представлений о нем. Даже математика, являющаяся для многих образцовым воплощением «вечных истин», отражает свойства пространства и времени, поэтапно сформировавшиеся в первые секунды после Большого взрыва.

Кроме того, смена исследовательских парадигм – не просто вычеркивание заблуждений и замена их истинами, а сложный противоречивый процесс, где ничто не пропадает даром, а новые подходы активно используют достижения старых. Теория движения Аристотеля устарела, но не устарели апории элеатов, с которыми ему приходилось иметь дело. Классическая механика продолжает работать для ограниченных скоростей и расстояний.

Наконец, принцип единства исторического и логического неразрывно связывает вопросы "Что это?", "Как это работает?" и "Как это возникло?" Знание – это не только сумма доказанных положений, но и весь процесс их вывода из «сырого» эмпирического материала, который явно или скрыто соединяется с определенной аксиоматикой, что позволяет придать ему логическую структуру, способную порождать новые смыслы. Данный тезис был обоснован еще Г. Гегелем и классиками марксизма, его уточнением до известной степени можно считать аксиоматический метод К. Гёделя. Как отмечал уже К. Уолц, структура знания не задана самими фактами как некая неизбежность [1, с. 5], лишь последующая практика позволит окончательно отсеять ее нерелевантные интерпретации. При этом только наличие полностью отрефлексированного порождающего алгоритма превращает знание из механической суммы в истинную систему.

Наконец, в ефремовских утопиях неоднократно подчеркивается, что главной наукой будущего станет именно история. И речь здесь идет не о примате гуманитарных наук над естественными, а об осмыслении пройденного пути и «дорожной карте» дальнейшего движения. То есть, И. А. Ефремов, по сути, рассматривает историю как метанауку, способную интегрировать и синтезировать все области человеческого знания.

Таким образом, методы и приемы исторического исследования, включая работу с первоисточниками и историографией, достаточно легко превратить в универсальный инструмент, возможности и ограничения которого можно интерпретировать по-разному в зависимости от философских установок конкретного автора. Разговор об альтернативной истории может существенно помочь прояснению последних. Сказанного достаточно для обоснования актуальности заявленной темы.

Цель исследования – оценить релевантность альтернативной истории как одной из стратегий культурного освоения прошлого. Для ее достижения необходимо выполнить следующие задачи:

- охарактеризовать эвристический потенциал таких теорий для традиционной историографии;

- изучить предлагаемые ими неклассические базовые онтологии;

- проанализировать методологию альтернативной истории.

Можно выделить четыре группы источников, отражающих различные аспекты заявленной темы. Изучаемые идеи воплощены в ряде специальных исследований, которые могут плавно перетекать в собственно философские [2; 3]. Наконец, они прямо или косвенно отражены в художественных произведениях [4; 5; 6] и религиозных текстах [7; 8; 9; 10]. Интересно отметить, что некоторые мыслители рассматривают фантастическую литературу как «присоединенный архив» или даже интегральную часть социальных дисциплин [11, с. 5-6].

Среди теоретических проблем гуманитарных наук важное место занимает идея вариативности исторического процесса. Мог ли бы он развиваться иначе от какой-нибудь фиксированной точки в прошлом, при неизменных стартовых условиях? И какое теоретическое и практическое значение имело бы положительное разрешение данного затруднения? Даже в сугубо материалистической онтологии такие вопросы не лишены смысла. Во-первых, здесь допустима известная аналогия с комментированием шахматных партий. Будучи сыгранными, они точно так же не знают сослагательного наклонения, как и любое другое событие прошлого (по крайней мере, в рамках некоторых философских парадигм). Однако их изучение требует анализа побочных вариантов, без которых решения игроков не могут получить правильного освещения. Таким образом, несбывшееся оказывается не просто отрицанием сбывшегося, но и его необходимым контекстом, комментарием и ключом к нему.

Далее, наука не может ограничиваться простым описанием исторических событий, она должна выявлять их логическую структуру: необходимые и достаточные условия, причинно-следственные связи, взаимодействие изучаемой системы со средой и т. п. Такое единство исторического и логического уже помогает обосновать определенный класс контрфактических суждений. Если, например, доказано, что некий фактор был необходимым условием изучаемого события, то последнее не произошло бы в его отсутствие. Данное умозаключение безупречно с формальной точки зрения, даже если в рамках выбранной базовой онтологии оно не имеет практического значения. Далее, современная математическая логика иногда оперирует понятием «возможных миров», стремясь придать строгий смысл своим базовым модальностям. То есть, утверждается, что возможное истинно (имеет место) в некоторых возможных мирах, необходимое – во всех [12].

Кроме того, нельзя забывать и о методологических и содержательных связях анализа и прогнозирования. Научное предвидение будущего предполагает выстраивание нескольких альтернативных сценариев со своими внутренними закономерностями и вероятностями реализации. Когда будущее наступает, несбывшиеся варианты событий должны до известной степени сохранять свое познавательное зна-

чение, утратив чисто прикладное. Футурологические сценарии составляются по определенной процедуре, соблюдение которой служит гарантией их корректности. Если потом они не сбываются, это не отменяет их принадлежности к сфере научного познания. Таким образом, хотя наступившая реальность изгоняет их из области онтологии, они продолжают функционировать в определенном гносеологическом статусе, который может стать предметом отдельного исследования. Более кратко: если будущее вариативно онтологически, то прошлое – хотя бы гносеологически. При этом даже откровенно ошибочные прогнозы сообщают исследователю какую-то истину о той конкретно-исторической ситуации, в которой они были высказаны.

Наконец, существуют различные толкования современной физической картины мира. Многомировая модель Эверетта допускает ветвления исторического времени, которые исключаются в рамках копенгагенской парадигмы. Идея мультивселенной получила распространение в современной космологии [13, с. 96-99], в художественной литературе («Сад расходящихся тропок» Х. Л. Борхеса) и философии истории (у С. Б. Переслегина).

Теории последней группы особенно интересны, поскольку они выводят контрфактические суждения из сферы (пусть и полезных) мысленных экспериментов и вплетают их в ткань реальной жизни. Для достижения данной цели так или иначе используются квантовые представления о роли наблюдателя (шире – сознания) в физической Вселенной. В пределе такой подход может привести к буддийской концепции психокосма, однако его смягченные варианты неплохо коррелируют с материалистическим толкованием научного познания.

Выводы, неизбежно следующие из соотношения неопределенностей Гейзенберга и принципа суперпозиции состояний в интерпретации Шредингера, не позволили копенгагенской версии квантовой механики утвердиться в качестве безальтернативной. Дж. А. Уилер полагал, что сознание – это космологическая сила, во многом определяющая пространственное и временное разворачивание структуры мироздания, ее фундаментальные свойства. Его знаменитый эксперимент с отложенным выбором заставляет заключить, что идеальное может влиять на физические процессы, включая уже завершившиеся и еще не начавшиеся [14, с. 25]. Именно на таких идеях основаны квантовые мотивы в современных гуманитарных науках.

В данной связи С. Б. Переслегин отмечает: «Для вероятностного подхода существующая «однозначная история» играет ту же роль, что классическая траектория частицы в квантовой механике: она описывает совокупность наиболее вероятных событий. Однако делать какие-либо выводы из изучения только этой совокупности нельзя. Для того чтобы выделить реальные, а не случайные закономерности исторического процесса, необходимо принять во внимание другие (а в идеале – все) возможные «альтернативные истории» [2, с. 52]. Данные рассуждения заставляют вспомнить вероятностное видение мира В. В. Налимова, призванное обосновать

вать «реальность нереального» [15, с. 16-27]. С идеями последнего С. Б. Переслегин, несомненно, знаком [3, с. 361].

С изложенными соображениями можно связать и замкнутые времяподобные кривые К. Гёделя [16], которые в рамках предложенной темы можно интерпретировать двояко: как обоснование циклического времени или альтернативной истории. Если Вселенная точно повторяет какое-то свое прошлое состояние и нет находящегося за ее пределами наблюдателя («особого архангела, который вел бы счет» [4, с. 345]), способного это отметить, то допустимы обе интерпретации гёделевской идеи, которая помогает вписать путешествия во времени в современную физическую картину мира.

Художественное исследование данной проблематики предпринял Х. Л. Борхес. «Стоит герою любого романа очутиться перед несколькими возможностями, как он выбирает одну из них, отмечая остальные; в неразрешимом романе Цюй Пэна он выбирает все разом. Тем самым он творит различные будущие времена, которые в свою очередь множатся и ветвятся» [5, с. 142-143]. Интересно, что интерпретаторы данного пассажа охотно обращаются к многомировой теории. Она, по сути, утверждает, что все возможное действительно, хотя и необязательно в нашей версии реальности. Любой физический процесс, способный при данных начальных условиях протекать по-разному, разветвляется всеми возможными способами на параллельных временных линиях [14, с. 27].

Здесь излюбленный фантастический прием смыкается с фундаментальными физическими теориями. Интересно сравнить с этим понятие алеаторного в постмодернизме. Согласно Ж. Бодрийяру, алеаторная вселенная характеризуется не только господством хаоса и случайности, но и принципиальной недоступностью для однозначных интерпретаций [17, с. 34-36]. Данная концепция является, по сути, радикализацией индетерминистских подходов в современной физике. Очевидно, что такое заострение идеи квантовой неопределенности не является необходимым для обоснования вариативности прошлого.

Интересную психологическую интерпретацию заявленной темы дал А. С. Грин: «Рано или поздно, под старость или в расцвете лет, Несбывшееся зовет нас, и мы оглядываемся, стараясь понять, откуда прилетел зов. Тогда, очнувшись среди своего мира, тягостно спохватываясь и дорожа каждым днем, всматриваемся мы в жизнь, всем существом стараясь разглядеть, не начинается ли сбываться Несбывшееся? Не ясен ли его образ? Не нужно ли теперь только протянуть руку, чтобы схватить и удержать его слабо мелькающие черты? Между тем время проходит, и мы плывем мимо высоких, туманных берегов Несбывшегося, толкуя о делах дня» [6, с. 126].

Для полноты классификации следует упомянуть и теологические истолкования вопроса. По мнению Петра Дамиани [7, с. 388-391] и Льва Шестова [8, с. 179], власть Бога над творением включает и способность менять прошлое, делать бывшее небывшим. Менее радикальная теория «среднего знания» иезуита Л. де Моли-

ны рассматривает божественное всеведение в том числе и как основу истинных контрфактических суждений [9]. Идея неоднозначности мирового процесса достаточно широко представлена в буддизме. Так, мадхьямаку можно рассматривать как философию «открытого мира», «магической вселенной», в которой нет непреложных законов и вечных истин, в которой возможно все [10, с. 136-138]. Парадоксальным образом, здесь несомненна только сама неопределенность: «Отсутствие своебытия и есть своебытие всех дхарм» [10, с. 136]. Впрочем, согласно мадхьямаке, любая попытка рационально осмыслить (или даже просто словесно описать) принципиально несемантичную подлинную реальность заранее обречена. Связь данных идей с постмодернистской категорией алеаторного может послужить темой отдельного исследования.

Альтернативная история нередко подвергалась критике в рамках более традиционных научных подходов. Из относительно недавних работ можно вспомнить весьма обстоятельный и аргументированный анализ Г. Э. Даниленко [18]. Следует полностью признать релевантность таких возражений в контексте выбранной базовой онтологии, однако не исключено, что некоторые несовместимые с ней мировоззренческие посылки могут быть так или иначе интегрированы в научную картину мира.

Таким образом, вопрос о ценности альтернативной истории, по крайней мере, остается открытым. Даже в системе мира Ньютона-Лапласа несбывшееся может оказаться полезным комментарием к фактической последовательности событий, а некоторые другие базовые онтологии иначе трактуют природу контрфактических суждений и приписывают им более высокий статус. Не исключено, что углубленное рассмотрение данных вопросов поможет прояснить логическую структуру современного гуманитарного знания. Неизменность прошлого и линейное понимание времени – это, строго говоря, две разные идеи, однако даже безоговорочное признание и того, и другого еще не предопределяет мировоззрение конкретной научной школы. Уже традиционная историография таит в себе возможность принципиально различных картин мира, причем ее альтернативы помогают структурировать данное многообразие, позволяя увидеть его извне.

Далее, современная эпоха отмечена углубляющимся синтезом достижений разных наук, который в большой степени обеспечивается философскими дисциплинами наподобие логики, этики и онтологии, своеобразно аккумулирующими различные виды и формы знания. История также не может оставаться в стороне от данного тренда. Наконец, сегодня гуманитарные науки продолжают сталкиваться с теневыми сторонами методологического плюрализма, сторонники которого нередко подменяли сущностную характеристику предмета его второстепенными или просто случайными определениями. Альтернативная история может послужить тем зеркалом, в котором традиционная наука увидит пути к творческому преодолению постмодернистского «разложения основ».

Список литературы

1. Waltz K. N. Theory of International Politics / K. N. Waltz. – Reading, Massachusetts: Addison-Wesley Publishing Company, 1979. – 251 p.
2. Переслегин С. Б. «Пестрая лента» в гильбертовом пространстве // Возвращение к звездам. Фантастика и эволюция. – М.: АСТ: АСТ Москва; СПб.: Terra Fantastica, 2010. – С. 45-61.
3. Переслегин С. Б. Дружба мушкетеров при живых королях // Возвращение к звездам. Фантастика и эволюция. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА; СПб.: Terra Fantastica, 2010. – С. 361-381.
4. Борхес Х. Л. Учение о циклах // Собрание сочинений в 4 т. 2-е изд., стер. – Т. 1. – С. 335-346.
5. Борхес Х. Л. Сад расходящихся тропок // Собрание сочинений в 4 т. 2-е изд., стер. – Т. 2. – С. 135-145.
6. Грин А. С. Бегущая по волнам // Избранные произведения в двух томах. – Т. 2. – Симферополь: Таврия, 1976. – С. 125-297.
7. Дамиани Петр. О божественном всемогуществе // Сочинения Ансельма Кентерберийского. – М.: Канон, 1995. – С. 356-394.
8. Шестов Л. Киркегард и экзистенциальная философия. – М.: Прогресс – Гнозис, 1992. – 302 с.
9. Laing J. D. Middle Knowledge // Internet Encyclopedia of Philosophy. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iep.utm.edu/middlekn/> (дата обращения: 12.03.2024).
10. Торчинов Е. А. Введение в буддизм // Азбука-классика. Non-Fiction. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. – 352 с.
11. Ютанов Н. Ю. Агентство перспективных фантастических исследовательских проектов // Возвращение к звездам. Фантастика и эволюция / С. Б. Переслегин. – М.: АСТ: АСТ Москва; СПб.: Terra Fantastica, 2010. – С. 5-6.
12. Menzel C. Possible Worlds // Stanford Encyclopedia of Philosophy. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://plato.stanford.edu/entries/possible-worlds/> (дата обращения: 17.03.2024).
13. Риз М. Дж. Жизнь в других вселенных и в нашей: космологическая перспектива // Много миров. Новая Вселенная, внеземная жизнь и богословский подтекст. – М.: АСТ: Астрель, 2007. – С. 79-100.
14. Merrell F. Science and mathematics in a literary mode // The Cambridge Companion to Jorge Luis Borges / Ed. by E. Williamson. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – P. 16-28.
15. Налимов В. В., Дрогалина Ж. А. Реальность нереального. Вероятностная модель бессознательного. – М.: МИР ИДЕЙ: АО АКРОН, 1995. – 432 с.
16. Hunter J. Time Travel // Internet Encyclopedia of Philosophy. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iep.utm.edu/timetrav/> (дата обращения: 19.03.2024).
17. Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту // Академический бестселлер. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006. – 200 с.
18. Даниленко Г. Э. Контрфактическая альтернативистика в истории: критический анализ // Культура и цивилизация. – 2016. – № 1 (3). – С. 41-46.